

Вас пытались сделать придворным поэтом?

— Нет. У меня не было тогда громкого имени. Я писал лирические стихи и не лез в политику. Но как главный редактор печатал то, что хотел. Неприятности случались из-за многих публикаций: "Кролики и удавы" Искандера, "Завтра была война" Васильева, "Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина" Войновича. Когда готовили к печати "Городские прогулки" Некрасова, пришлось делать верстку в четырех экземплярах и посылать Горбачеву, Лигачеву, Яковлеву и Лукьянову.

Свои стихи печатали без проблем?

— Впервые мои стихи напечатаны в "Юности", когда у меня уже вышла книга. Я жил тогда в Твери. В "Юности" проработал 21 год, 12 из них — главным редактором. В первых двух выпусках приложений к журналу "Избранное" мои стихи есть. А из третьего, будучи уже главным редактором, я свои стихотворения снял — по этическим соображениям. А теперь жалею. Прекрасный двухтомник получился, а моих произведений там нет. И не важно, кто тогда возглавлял журнал.

Значит, все-таки лучше быть свободным художником, а не при должности?

— Здесь все очень индивидуально. Скажем, Вознесенский и Рождественский не могли и не хотели быть при должностях. А я не могу без дела. С удовольствием организовал бы новый журнал, но нет денег. А кредит брать боюсь — отдавать надо. Да и трудно просчитать: будет ли журнал иметь такой успех, как прежняя "Юность", выходявшая трехмиллионным тиражом.

Да, вам тогда многие завидовали. А вам знакомо это чувство?

— Я абсолютно лишен зависти. Как однажды заметил Вознесенский, никто не радуется так чужому успеху, как я. Жизненные успехи и неудачи проверяют подлинность дружбы. Когда я был главным редактором, домашний телефон не умолкал. А ушел на пенсию, число звонков резко сократилось. Я почувствовал обиду и одиночество. Помню, когда у меня сгорела дача с

Андрей ДЕМЕНТЬЕВ завоевал известность как талантливый поэт, редактор журнала "Юность", телеведущий, автор стихов популярных песен. Это удавалось сочетать, как вспоминает он, благодаря огромной энергии:

Я ЖИЛ ВЗАХЛЕБ

хорошей библиотекой, картинами, позвонил Кобзон: "Андрюша, не забывай, что у тебя есть я". Эта фраза меня глубоко тронула, хотя я обошелся без посторонней помощи.

А вы помогаете друзьям?

— Да. У меня изначально сложились хорошие отношения с Горбачевым, когда он был генеральным секретарем, президентом. А сейчас я сблизился с ним еще больше. Однажды Горбачев с горечью признался, что после отставки из всего прежнего окружения с Новым годом его поздравил только Назарбаев. Я понимаю: кто-то боится, кто-то злорадствует. Но есть же человеческие отношения, которые превыше карьеры и успеха!

Уйти в отставку тоже нужно уметь. Вы писали: "Как важно вовремя уйти иступить дорогу юным, хотя полжизни впереди..."

— Я ушел из журнала, когда меня избрали главным редактором, председателем правления акционерного общества "Юность". И считая, что нужно было уйти еще раньше, но я готовил себе преемника — Юрия Полякова. Сделал его своим заместителем и стал подбирать команду молодых, которые подняли бы журнал на новый виток. Но коллеги меня не поддерживали: им не хотелось уходить на пенсию. Тогда ушел я. А вместе со мной мои друзья: Васильев, Вознесенский, Войнович, Поляков. И журнал стал никаким.

А могло все сложиться иначе?

— Да. Когда я был в Америке, с помощью Коротича вышел на одну богатую корпорацию, которая предложила журналу "Юность" миллион долларов, чтобы поддер-

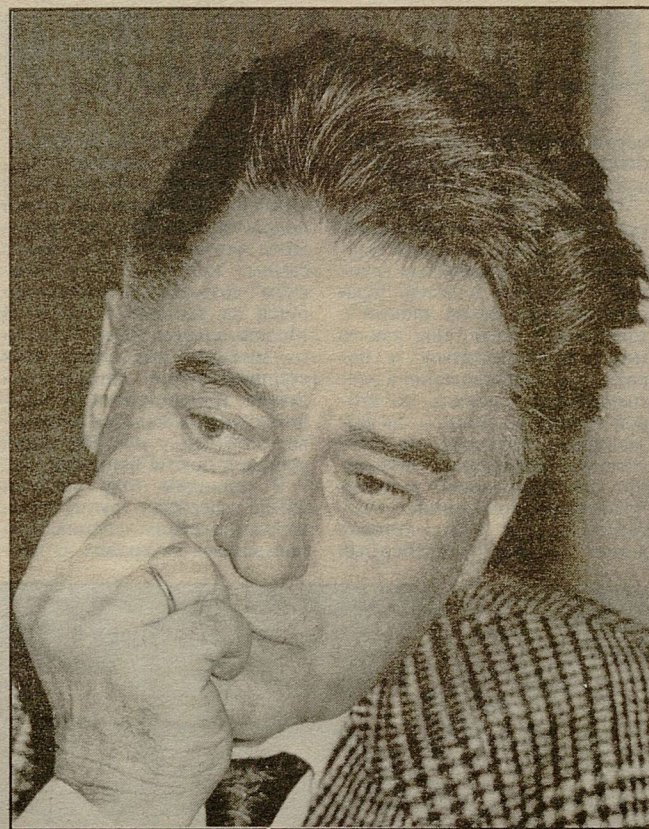
жать его в рыночных условиях, издавать на хорошей полиграфической базе. Американцы не собирались вмешиваться в литературную направленность журнала и не ждали от него в первые годы прибыли. Зато потом, размещая в "Юности" рекламу, могли бы получать доход. Но меня предупредили, чтобы журнал был рентабельным и платил высокие гонорары интересным авторам, в нем должны работать не 53 человека, а максимум 15. Когда я сказал об этом коллегам, они испугались и отказались от миллиона долларов, предпочтя просто зарплату.

Но как вы говорили в стихах: "Не думай о плохом, а помни про хорошее..."

— Недавно у меня родилась другая строка: "Просыпаюсь не от солнца я — от ужаса". Хозяевами жизни стали нувориши. Я не завидую их богатству. Не этим определяются суть человека и его место в жизни. Но когда прихожу на презентацию, чувствую себя человеком второго сорта. Я всегда хорошо одевался. Любил покупать красивые костюмы, галстуки. Но это не было самоцелью. Я никогда не полагаю, что модная одежда дает мне право быть высокомерным, напыщенным. А завсегда тусовок демонстрируют кричащую роскошь и равнодушие к окружающим. Критерии ценностей переместились. Никогда в России не были законодателями жизненных ценностей люди с тугими кошельками, без всяких признаков духовности.

А лукавить вам приходилось?

— Да. Когда забрали отца по 58-й статье, я стеснялся

сказать одноклассникам, что папа не на фронте, а в тюрьме. Скрывал это. А когда поступал в Литинститут, не указал в анкете, что в семье были репрессированные. Иначе бы меня не приняли. Если есть в моем характере что-то плохое, то это результат того времени, когда калечили души как хотели...

А сейчас вы живете как хотите?

— В моем возрасте (мне 67-й год) я имею право жить так, как хочу, не отказывая себе ни в чем. Но не могу, нет денег. Стихи не кормят, книгу издать тяжело, старые запасы инфляция съела. Машину, новенькую "семерку", украли. И так случилось, что я остался без квартиры. Забрав старенькую маму, ушел из семьи, оставив бывшей жене и детям четырехкомнатную квартиру со всей обстановкой, библиотекой. И почти половину денег от проданной недостроенной дачи тоже оставил им — на хозяйство. Сам живу на пенсию и маленькую зарплату президента

телевизионной компании "Браво".

Вы могли бы зарабатывать приличные деньги в шоу-бизнесе. Написанные на ваши стихи песни: "Отчий дом", "Аленушка", "Лебединая верность" — были очень популярны.

— Как и песня "Яблоки на снегу". Исполняя ее на концертах, Миша Муромов не афишировал, что стихи мои. Говорят, он много заработал на этой песне. А я — ни копейки. Может, потому, что не спрашивал. Сейчас я хочу вернуться в песню. Но цену на стихи назначать не буду. Зарегистрирую их в Российском авторском обществе, и пусть мне идут проценты. Как раньше.

От всех неприятностей отдыхаете душой в обществе детей-внуков?

— Да. У меня трое детей, внучка, два внука — оба Андреи. В честь меня. Я их очень люблю, хотя мы нечасто видимся.

Вы женились по любви?

— Да. Я оба раза женился

по любви. И считаю, что мне повезло: я влюблялся, страдал, мучился, ревновал, дарил любимой стихи. Если бы все это происходило в старые времена, думаю, меня бы наказали за аморальное поведение.

Какие женщины вам нравились?

— Боюсь, что буду здесь банален. Все любят женщин красивых, умных, веселых, с легким характером, чтобы они скрашивали нашу жизнь. Я всегда избегал очень умных женщин, с которыми нужно постоянно держать себя в напряжении, чтобы не показаться идиотом.

А властных? Некоторые уже в медовый месяц начинают мыть полы...

— Все нужно делать в охотку, начиная со спорта. Я занимался культуризмом, плаванием, греблей, катался на велосипеде, коньках, лыжах. И все — в охотку. Так и в быту. Конечно, мне не всегда хотелось мыть полы — иногда отлынивал. Но, случалось, и сам предлагал помощь. Я отдыхаю за физической работой, расслабляюсь.

Благодаря ей и спорту вы хорошо сохранились...

— Возраст — чистый формализм. Это скорее состояние души. Разумеется, я не могу сейчас отжаться от пола 70 раз, как делал это в молодости, выигрывая на спор коньяк. Сердце не то. Но молодого выгляжу потому, что не занимался самоедством, никого не осуждал, не был ханжой, резонером. Я старался жить легко и светло.

У вас есть хорошее стихотворение: "Когда отпустит мне судьба последние три дня..." В нем вы говорите, что первый день отдадите друзьям, второй — детям, а третий — любимой. Как бы вы сейчас распорядились этими днями?

— На первое место поставил бы детей. С годами начинаешь понимать, что дети — это все. На второе место — любимую. Ей всегда хочется делать добро. На третье — друзей. Их осталось немного. Не все оказались верными, но я принимаю людей такими, какие они есть.

Ольга ТИХОНОВА.

Фото В. ХРИСТОФОРОВА (ИТАР-ТАСС).